

Только тайна помогает жить. Только тайна.

Гарсиа Лорка

Пролог

ЗАТМЕНИЕ

На рыночной площади, переполненной народом, было очень тихо. Почти все население небольшого южного городка стеклось сюда и замерло в напряженном, тревожном ожидании.

Человек огляделся по сторонам. Он сошел с поезда на этом захолустном пограничном полустанке, затерянном в молдавской степи, ровно три часа назад — ранним июльским утром. Никто его здесь не встречал и не ждал. Он не знал здесь ни единой души. Он был чужаком в этом городке. Он был один среди них в этот великий день.

Один как перст.

О том, что с ним произойдет в этот незабываемый день что-то чрезвычайно важное, он знал давно. Последние годы он жил предчувствием ЭТОГО. Он знал: это должно было случиться. Но как именно это будет происходить — для него пока было тайной. И отчаянный страх в его сердце боролся со жгучим любопытством — скорее, скорее же! Скорее бы это началось. И... кончилось. И он стал бы тем, кем ему суждено было стать.

Где-то далеко за железной дорогой раздался вой полицейской сирены. По толпе волной прошел глухой ропот. Человек прислушался — молдавская, украинская, русская, румынская речь. Слов он не понимал, да и не слушал. К чему слова? Он и так знал, что сейчас творится с ними, этими незнакомыми ему, чужими людьми. Сердцем, нутром чуял их нетерпение, тоскливую тревогу и тот затаившийся на самом дне их

душ липкий ужас, который терзал и его самого, — ужас предчувствия чего-то грозного, неумолимого, загадочного, темного.

Но ведь он всегда знал, что во время полного затмения увидит одну только тьму.

Он приехал сюда издалека в переполненном мешочниками и челноками грязном поезде, минуя границы и таможни. Приехал только за одним — увидеть, стать свидетелем великого полного солнечного затмения, последнего затмения тысячелетия. Потому что именно в этом городе на самой границе Молдовы и Румынии наблюдать его было можно во всем ужасающем великолепии.

Он знал, что увидит только тьму. И был готов к этому. Тысячи глаз неотрывно следили за чистым и безоблачным небом. А потом стало казаться, что свет меркнет, как будто на солнце со всех сторон наступают грозные тучи. Но туч не было — горизонт оставался пуст. А полуденный свет гас, гас, и вот уже край солнечного диска начал темнеть, наливаясь пугающей, багровой чернотой.

Уголь в небесном костре. Зола.

Люди, сгрудившиеся, точно напуганное стадо, притихли. Смотрели на небо. Каждый, кто как мог, старался уберечь глаза. В ход пошло все — темные очки, закопченные стекла, осколки витражей, засвеченная пленка. И только один человек, чужак, смотрел на солнце так, словно не боялся ослепнуть. Смотрел жадно, как будто видел его в последний раз в жизни.

Черная, черная тень... Гигантские крылья. Непроницаемые. Чудовищные. Смердные. Он чувствовал их тень у себя на лице.

По толпе прошел вздох — последний багровый луч угас, умер. Секунду еще черный диск солнца мерцал тревожно и беспомощно. А потом стало темно. На площади не зажглись фонари. Только невыключенная мигалка подъехавшей полицейской машины освещала лица людей синими рваными сполохами, отчего лица напоминали лики умерших.

Человек почувствовал — ему трудно дышать. Все сильнее что-то сдавливало грудь, горло. Шорох осыпающейся земли... Черной, растревоженной, пропи-

танной илом, плодородной, древней, нездешней... Слой за слоем...

Он видел, он отчетливо видел это: из свежевскопанной рыхлой земли, раздвигая влажные слипшиеся комья, медленно выползала, выпрастывалась человеческая рука. Комья земли падали с глухим стуком, словно град, — засыпали, хоронили руку. Но она появлялась снова и снова. Смуглые грязные пальцы судорожно царапали землю. Он видел это: рука была живая. Ее украшал грубый золотой браслет с бирюзой. Владелец браслета, похороненный заживо, никак не хотел умирать. И все пытался выбраться наружу, жаждал жить, дышать... Но крик, рвущийся изо рта, забитого землей, не был слышен здесь, наверху. И только эта рука, пробивающаяся сквозь могильную толщу...

Человек зажал уши. Крики — дикие, мучительные, исполненные смертельного отчаяния и муки. Он слышал их по ночам. Голоса мертвых...

Он знал, как они умирали. Помнил. Память жила с ним всегда, жила в самых глубоких тайниках сердца, в недрах мучивших его страшных причудливых снов. При пробуждении он помнил их так ясно, словно все это было когда-то пережитой явью.

Он знал: их одного за другим заставляли спускаться в глубокую шахту, выложенную кирпичами из обожженной речной глины. А потом засыпали толстым слоем земли. Накрепко утрамбовывали площадку. Затем приводили других, и все повторялось. Раз за разом. Слой за слоем черной, вскормленной илом, плодородной, древней, священной земли. Вкус ее он до сих пор ощущал у себя во рту.

Это она душила его, не давая дышать. Земля... Нет, черная змея, вползающая в глотку... Темнота... Он чувствовал — еще секунда, и сердце его, лишенное воздуха, разорвется. И если это то самое, что и должно было произойти с ним во время великого затмения, о чем он думал, мечтал, чего ждал так неистово и жадно.... СМЕРТЬ... Это его смерть?! Значит, вот какая она, но... но как же это? Как же так?! Он не хотел, не хотел умирать, жаждал жить, во что бы то ни стало жить. Любой ценой, даже...

Смутный гул. Темнота всколыхнулась, как черное

бархатное покрывало. И медленно-медленно, словно бы нехотя, начала рассеиваться. Из пока еще невидимой во мраке степи, некогда нагретой полуденным щедрым солнцем, так внезапно угасшим ныне, повеяло горячим ветром. Потом наступило мгновение абсолютной глубокой тишины. Гнетущего безмолвия. А потом... У всех собравшихся на площади людей появилось одинаковое чувство: вот сейчас, сейчас это произойдет. Сейчас они увидят рассвет. Восход, новое рождение солнца в совершенно неурочное время — в час двадцать семь минут пополудни.

На черном небе появился узкий багровый серпик. И вот он стал золотым.

Он почувствовал, как кто-то тормозит его за плечо. Он сидел на пустом ящике у рыночного прилавка. И все было позади. Над городком сияло солнце. Полная черноглазая женщина в ситцевом сарафане что-то тревожно говорила ему — сначала по-молдавски, затем на ломаном русском. Он понял с трудом: «Вам плохо?»

Он покачал головой. Женщина бойко затараторила, тыкая рукой куда-то вверх, в небо. У прилавка хлопотал парень лет девятнадцати в камуфляжных брюках и черной майке — смуглый, гибкий, кудрявый, похожий на цыгана. Он подносил ящики с зеленью. Почувствовав взгляд незнакомца, улыбнулся, поежился, передернул плечами, тоже кивнул вверх, словно показывая, что и ему было очень не по себе во время затмения.

Человек поднялся. Ноги, как прежде, крепко держали его. Слабость прошла. Теперь он чувствовал, что все встало на свои места и одновременно изменилось уже безвозвратно. Он посмотрел на солнце — оно было прежним. Лишь краешек его все еще купался в черной тени. Затмение кончилось.

В пожухлой траве городского сквера неистово стрекотали цикады.

Девять месяцев спустя. 12 марта

Яркая иллюминация мигала в ночи — точно дразнила. Зазывала стукнуть в крепкую дубовую дверь,

распахнуть ее по-хозяйски, сбежать крутой каменной лесенкой вниз, в этот сводчатый уютный подвал большого старого дома, где с незапамятных времен гнезился пивбар «Москва—Петушки». Сюда стекались все, кто не любил коротать вечера «на сухую». Бар слыл вполне демократичным. И хоть у его дверей время от времени и появлялись роскошные иномарки последних моделей, на ценах это почти не отражалось. В районе Курского вокзала и Сыромятниковской набережной не было заведения популярнее «Москвы—Петушков».

Но тот вечер стал грустным исключением из правил. Все как-то сразу пошло наперекосяк. А в результате Костюху Бородаева рвали на части, словно хищные тигры, самые противоречивые чувства. Здравый смысл и врожденная осторожность предупреждали: брось, не связывайся, уйди в сторону. А молодая буйная кровь обжигающей волной била в виски: и-эх, был бы автомат, как в армии, взял бы их всех тут, сук рваных, да ка-ак...

Для того чтобы скоротать, как белый человек, вечерок в популярном баре, Костюха Бородаев, которого все вечно звали Борода, хотя он никогда не носил ни бороды, ни усов, вкальвал три недели, по его словам, «как каторжный». Каждый день поднимался в половине пятого утра и на первой электричке пилил из родной подмосковной Салтыковки на Курский вокзал. А затем до позднего вечера мотался по поездом. В объемистой полосатой сумке, что таскал он из вагона в вагон, как верблюд свой постылый горб, чего только не было! Бритвенные лезвия, батарейки, пачки с памперсами и женскими прокладками, наборы инструментов, зонты, дождевики, фонарики, колготки, самоклеящиеся обои, пакеты для мусора. И в каждом вагоне повторялся один и тот же ритуал: петушиным сорванным тенорком Костюха Бородаев извинялся перед пассажирами за беспокойство, желал всем доброго (самого доброго!!!) пути, а затем уже из кожи вон лез, чтобы впарить им что-нибудь из своего товара, то, что им в данный момент совершенно не было нужно, — пластмассовую затычку для раковины или антиблошиный собачий ошейник. «Потом вдруг да приго-

дится — купите сейчас! Вы ж на цену гляньте — в три раза дешевле, чем на лотках!»

И вот после всех этих трудов Костюха решил встряхнуться. И в самом деле, сколько можно вкалывать, пупок надрывать? Двужильный он, что ли, в натуре? В бар в Москву он планировал пригласить с собой Люську Еремину. Они учились в одной школе в Салтыковке и до армии крепко гуляли. И после армии Люська к нему тянулась. А он и не уклонялся. Но с приглашением не вышло. Люська в субботу работала. Бородаев не очень-то и расстроился — без баб лучше, расходов меньше. А дать Люська ему и так всегда согласная, была бы хата, где можно трахаться без помех.

В «Петушки» он явился в самый разгар, к половине девятого. Начал заправляться у стойки. Посидел на высоком кожаном табурете, поболтал ногой, то и дело косясь в зеркало над стойкой, сам себе ужасно нравясь в его отражении. Пил, священнодействуя, не торопясь, со вкусом. Старался растянуть удовольствие. Оно, конечно, и деньги немалые, если еще и с закуской...

Пузырь пива в ларьке на Курском купить, конечно, в сто раз дешевле. Но это ж грязь, антисанитария — из горла, на обледенелой платформе. А тут... Тихо, культурно, престижно. Отутюженный бармен, приглушенная музыка, разноцветные бутылки над стойкой, аромат дорогих сигарет, коктейли, текила, соль и лимоны к ней, а девочки... ешкин корень!

Европа!

Повторить по пятой он заказал уже в отдельную кабинку за столик. Взял и горячей закуски. Но насладиться под завязку не удалось. Около половины одиннадцатого в бар вошли четверо плечистых молодцов в черных, до пят кашемировых пальто, в белых кашне, белых носках и лаковых штиблетах. По тому, как засуетился бармен, стало ясно: гости — люди в «Петушках» известные, хоть и неожиданные. Один из новоприбывших пошептался с барменом, и у того как-то сразу вдруг поскущнело, вытянулось холеное лицо. А потом Бородаев из своей кабинки узрел, как компания напротив, только-только вполне раскрепостившаяся за своим столиком, вдруг спешно поднялась и рысью за-

торопилась к выходу. Молодцы в пальто начали обходить столики. Шума, гама никакого не возникало. Но посетители исчезали один за другим, как по волшебству. Бармен, словно ничего не замечая, суетился у стойки. «Петушки» пустели прямо на глазах. Бородаев, хоть и был уже хорош, смекнул, что это расчищается посадочная площадка для какой-то крутой и необщительной компании, предпочитающей отдыхать своим тесным кругом, без посторонних.

И вот пальто нависли и над его столиком.

— Гуд бай, — лаконично изрек крепкий гонитель. — Прощевайте.

— А в чем дело? — Костюха Бородаев стиснул в руке недопитый бокал — тонкое, стильное европейское стекло, емкость для коктейля.

— Проваливай отсюда.

Еще с армии у Костюхи было остро развито чувство справедливости. И самые противоречивые желания закипели в его душе: лучше уйти, смотаться от греха и... эх, взять бы «калашник» да ка-ак их тут всех...

— А ты кто такой, чтобы тут распоряжаться? — бросил он гонителю. — Кто ты такой? А ну давай выйдем. Один на один! А там поглядим, там разбере...

— Выйдем, — покладисто и как-то даже весело согласились пальто и белые носки. И...

Такого паскудства, такого унижения Бородаев еще не переживал. Его ухватили за шиворот, подняли как перышко и поволокли к двери. Он отбивался, пинал обидчика ногами, пихал кулаками, а его волокли. Он упал на колени, а его волокли, провезя новыми серыми, купленными на Черкизовском рынке брюками по истоптанному полу. Он пересчитал все двенадцать холодных гранитных ступенек по лестнице коленками и ребрами. А потом мощным пинком его выбросили на обледенелый тротуар.

Стоял тихий морозный мартовский вечер. На Сыромятниковской набережной не было ни души. И некому заступиться, некому пожаловаться на боль в ребрах и на произвол.

Бородаев, кряхтя, поднялся. Ноги запутались в чем-то мягком — вслед выбросили его куртку. Он

надел ее, пошарил в кармане — шерстяной шапки не было. Пропала шапка, эх...

Где-то за безмолвными громадами домов не спал, шумел в ночи родной Курский вокзал. И ничего более не оставалось, как плестись на электричку. Бородаев едва не заплакал. Прислонился к стене. Тело глухо ныло. А в голове шумел хмель и плавали какие-то пузыри — они лопались, опадали, вздувались снова.

— За что это тебя так? — услышал он позади негромкий голос. Говоривший курил сигарету. Откуда он взялся на пустынной набережной, Костюха Бородаев не видел.

— С-сволочи... П-падлы... Убью гадов, спалю... Вернусь и спалю к чертям...

Незнакомец протянул ему сигарету. Костюха взял. Внутри все так и клокотало. И хуже смерти казалась перспектива вот такому — униженному, избитому, грязному — на электричку и домой, не солоно хлебавши.

— Не в свой курятник забрел? — усмехнулся незнакомец. — Морду тебе расквасили, эвон кровь-то... Йодом надо или спиртом. Ну, можно и водкой...

— На вокзале... Там круглосуточно торгуют. — Бородаев не назвал, чем торгуют. Незнакомец и так все понял. Что непонятного-то?

— Эх ты, чучело, идем со мной, в ногах правды нет, — голос незнакомца был лениво-добродушным. — Подвезу. Не бросать же тебя тут. А то на рожон полезешь, знаю я вас, дураков молодых. А с этими, — он небрежно кивнул на дверь «Москвы—Петушков», — разговаривать надо по-другому.

Костюха послушно поплелся за незнакомцем. Ему было все равно, что делать, куда идти, как скоротать остаток этой сволочной ночи, — лишь бы подальше отсюда и лишь бы не домой.

Машина стояла через два дома в темной арке. Что за машина, Костюха не понял — тьма ж! Незнакомец отключил сигнализацию, открыл дверь. Костюха бесильно плюхнулся на мягкое сиденье. Увидел в зеркало свое разбитое лицо.

По Минскому шоссе ехал тяжело груженный трейлер. Водитель поправил зеркало, глянул на часы, включил радио. Громко пропикало: «Московское время семь часов. Передаем последние новости к этому часу». Водитель зевнул, покосился на молодого напарника, крепко спавшего на пассажирском сиденье. Ишь дрыхнет, и радио его не берет.

Ехали они без остановок и ночевки, менялись через каждые шесть часов. Ночью было особенно тяжело. От сто двадцать второго километра не шоссе — каток. Подморозило ночью крепко.

— Давай вставай, — начал он будить напарника. — Время меняться. К Москве подъезжаем, парень.

Они остановились на обочине. Дорога была еще по-утреннему пустой. Напарник спрыгнул на снег. Метнулся за прицеп, за колесо. Водитель тоже вышел, потягиваясь, разминая одеревеневшее от долгого сидения за рулем тело.

— А холодно, — сказал он. — Вот тебе и весна. Марток знать дает.

— Слушай, пойдика сюда, — позвал напарник. — Иди скорее!

Что-то в голосе парня встревожило — водитель быстро обогнул трейлер.

— Глянь-ка, чегой-то там? Вон там... — Напарник, оперев руки в колени, наклонился к подтаявшему сугробу у обочины.

В утренних пепельных сумерках при тусклом свете фонарей водитель с трудом разглядел что-то темное на снегу. Он тоже наклонился. Услышал, как приглушенно ахнул напарник, и сначала подумал: что за черт, мерещится. Но нет. На сугробе было полно темно-бурых потеков. А в снегу прямо перед ними...

Напарник с испуганным криком попятился и побежал к трейлеру, водитель не верил глазам своим: на снегу, пропитанном чем-то бурым, валялась отрубленная человеческая кисть. Вторая отрубленная кисть лежала невдалеке. Водитель едва не наступил на нее. Дико отшатнулся, чуть не упал.

Раздался истошный гудок. Напарник в кабине заполошно давил на сигнал, привлекая внимание мчащихся по «Минке» машин.

ДЕНЬ, КОТОРЫЙ ХОЧЕТСЯ ЗАБЫТЬ

Четыре месяца спустя. 5 июня

Бывают дни, которые лучше забыть. Катя пыталась внушить это Сергею Мещерскому, но безуспешно. Сама она была окончательно сбита с толку. Ведь такого странного происшествия в этот день первой недели долгожданного лета вроде бы ничего не предвещало. Порой ей казалось: да полно, было ли это? Не померещилось ли все это Сереге? Ведь никто, кроме Мещерского, не видел этого, а там, кроме него, были десятки людей.

Однако все по порядку. Екатерина Сергеевна Петровская, в замужестве Екатерина Кравченко, криминальный обозреватель Пресс-центра ГУВД Московской области, чувствовала, что не будет толка в правильном истолковании жуткой и на первый взгляд вроде бы совершенно неправдоподобной истории, рассказанной ей старинным приятелем мужа Сергеем Мещерским, без того, чтобы не разложить все по полочкам с самого начала.

Итак, с чего же все началось? Катя склонна была считать — со звонка в дверь их квартиры в половине второго ночи. Но и этому неурочному звонку и появлению на пороге мужа — Вадима Кравченко, доставившего к ним домой возбужденного, близкого к настоящей истерике Сережку Мещерского, тоже предшествовали некоторые события.

День 5 июня начался и продолжался для нее весьма приятно. Отпросившись пораньше с работы, она как на крыльях полетела к своей заветной мечте — накануне она записалась в модную парикмахерскую на Арбате. Ведь к лету так хотелось иметь на голове что-нибудь этакое, сногшибательное, убийственно-грандиозное. Переменить кардинально все — стиль, прическу, цвет волос. Стать неузнаваемо-прекрасной. Или на крайний случай просто неузнаваемой. Сладко было мечтать о том, как миллиметр за миллиметром она будет скрупулезно изучать свою внешность, подбирая с помощью опытного визажиста на компьютере

(!) прически и стрижки, формируя свой новый виртуальный имидж, а затем увидит его воплощенным, отраженным в сияющих зеркалах — настоящее произведение парикмахерского искусства, средоточие грез.

В результате все время до назначенного по записи часа она провела как на иголках. И, наверное, раз сорок за утро разглядывала себя в зеркало в шкафу в родном кабинете, радуясь при этом сама не зная чему.

Три часа, проведенные в салоне красоты, не разочаровали. Наоборот, компьютер старательно моделировал виртуальные облики, меняя все словно по мановению волшебной палочки, и Катя всякий раз нравилась себе ну просто ужасно. Ее бы воля — она бы испробовала все сразу — от радикально-изысканного мелирования до переливчатой радуги «американ калорс». Однако остатки здравого смысла удержали ее от эпатазирующих крайностей, заставили прислушаться к советам мастера. А в результате...

Видели вы розу, фиалку, лилию, тюльпан на роскошной клумбе ранним росистым утром, когда солнце только-только золотит верхушки деревьев и в парке у реки перекликаются птички? Вот именно в таком настроении покинула Катя чудесный салон — парад и легкомыслие! И такая вселенская радость...

Ее неодолимо влекли к себе витрины магазинов, стекла припаркованных машин, глаза попадавшихся навстречу прохожих мужского пола — все, где она видела отраженным свой новый облик. Сердце просило любви и песен. Катя была готова расцеловать первого встречного, да что там встречного! Первую же липу Пречистенского бульвара, по которому она не шла — летела, едва-едва не пританцовывая на лету от избытка переполнявших ее чувств.

На углу Волхонки она в который уж раз надолго застыла перед витриной обувного магазина, видя там не модельные туфли новой дорогой коллекции, а только себя. Свою новую прическу, свой удивительный стильный макияж (ну всегда теперь буду так краситься!), свой белый летний костюмчик, который сидит классно и ничуть не полнит, как вдруг...

Отраженным в зеркальной поверхности она сначала увидела лишь смутный силуэт. Статная высокая

пожилая женщина остановилась посреди тротуара и начала креститься на сияющий купол храма Христа Спасителя. И вдруг обернулась к Кате.

— Девушка, здравствуйте, пожалуйста, простите за беспокойство...

Катя схватилась за кошелек, но вспомнила, что после посещения французского салона от зарплаты там — рожки и ножки. Сушная мелочовка. Когда старики в метро и в переходах просили робкими голосами милостыню, благословляя и желая счастья, Катю всегда охватывал стыд и... От этого чувства мир буквально обугливался...

Но эта пожилая женщина милостыни не просила. Да и одета она была хоть и старомодно, но совсем не бедно.

— Ради бога, девушка, извините меня. Могу я задать вам один вопрос? Вы... замужем?

— Да, — ответила Катя. И на этом следовало поставить точку. Но она бы не была самой собой, если бы сразу же после запятой не уточнила с любопытством: — А отчего это вас, простите, интересует?

— Да я... — Женщина крайне смутилась. — Не подумайте ничего плохого... Вот шла, увидела вас, подумала, такая симпатичная, милая, нежная... А у меня сын. Постарше вас. Всем вроде хорош. Единственный сын, надежда моя. И зарабатывает прилично. А вот все никак не женится. Всегда один. Я уж так за него переживаю. Пропадает совсем. Гибнет... Вы уж простите, что я так... Не знаю уж, что и делать...

В ее словах было что-то странное. Резкое несоответствие между началом и концом фразы. Можно было бы ответить какой-нибудь добродушной шуткой, мол, увы, не судьба, но... В последних словах незнакомки было нечто такое, что шутка замерла на Катиных губах. И стало как-то неловко, дискомфортно.

— Простите, мой троллейбус, — только и пробормотала Катя. И, уже прошмыгнув в открытые двери, прилипла к окну, ведь не каждый же день вас так откровенно, скоропалительно и вместе с тем трогательно-наивно сватают, оценив все ваши достоинства, что называется, с первого взгляда.

Чудную эту встречу Катя вспоминала еще в течение

двух последующих часов, а потом напрочь позабыла. Не до того! Мысли ее снова замельтешили легкомысленно-радужной мельницей. Она предвкушала, как во всей новообретенной красе, точно Царевна-лягушка, предстанет перед тем, из-за кого, собственно, пришлось в корне пресечь то робкое сватовство. С тем, что прекрасный королевич и муж «Царевны-лягушки» Вадим Андреевич Кравченко, более привычно именуемый на домашнем жаргоне «драгоценным В. А.», вернется в этот день чрезвычайно поздно, Катя в душе смирилась. И высказывать особого недовольства по этому поводу не собиралась. Один раз живем — а тут, как говорится, дело святое.

Вадим Кравченко и его закадычный приятель Сергей Мещерский именно 5 июня были приглашены на официальное и вместе с тем долгожданное мероприятие: встречу однокурсников, посвященную десятилетнюю окончания Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, совпавшую с семидесятилетним юбилеем своего бывшего ректора. Ныне он возглавлял Институт истории и экономики стран Востока. И его юбилей для многочисленных питомцев «Лумумбы», ныне разбросанных по различным ведомствам, госучреждениям, дипломатическим корпусам, торгпредствам, коммерческим структурам и фирмам, явился лишь долгожданным поводом собраться всем вместе, вспомнить студенческие годы, вспомнить былое и со вкусом, с толком, с расстановкой отметить это знаменательное событие.

Короче, Кравченко Катя ожидала домой поздно, все же надеясь на то, что он еще будет в состоянии после «студенческой» пирушки оценить, какая она стала после посещения французской парикмахерской. Но время шло, сумерки сгущались, а Вадька все не приезжал. Наконец, когда Катя уже устала ждать и решила ложиться спать, пискнул домофон. И через минуту, открыв дверь собственным ключом... Представшее перед ее глазами зрелище было одновременно и печальным, и комическим. Но уже через мгновение Кате стало совершенно не до смеха. И легкомысленное настроение как ветром сдуло.

Кравченко был не один. Он притащил с собой Ме-

щерского, причем в таком виде... Мещерского бил озноб. Несмотря на то что на дворе стояла теплая летняя ночь, у него зуб на зуб не попадал, словно его только что искупали в ледяной проруби. От него за версту несло спиртным. Он еле возил языком, бормотал что-то бессвязное, страдальчески хмурясь и отчаянно жестикулируя. Он явно прямо с порога что-то пытался объяснить Кате. Но она различала в этом пьяно-истерическом коктейле эмоций лишь отдельные выкрики, обрывки фраз: «Видеокассета», «Да я видел это, клянусь!», «Ты пойми — я видел, а они не верят!», «Не знаю, куда она потом исчезла. Я хотел всех позвать, показать этот ужас, а она исчезла...»

Транспортировавший ослабевшего приятеля Кравченко был нем и угрюм как могила. От него тоже за версту несло спиртным. Катя заметила: Кравченко, хоть он и пытается это скрыть, тоже чем-то сильно расстроен и встревожен. Он сгрузил Мещерского на кресло. И вроде бы не знал, что делать дальше.

— Что это с вами? — спросила Катя. — Вы откуда такие? Что случилось?

Мещерский вдруг яростно отмахнулся, словно у него перед носом появилась оса, и со стоном ринулся в ванную. Там бешено загудела вода.

Кравченко прогрохотал на кухню, всыпал в кофеварку чуть не полпачки кофе. Катя, прислонившись к притолоке, наблюдала за ним.

— Дурдом, — Кравченко плюхнулся на кухонный угловой диванчик, заскрипевший под его тяжестью. — Отпраздновали, называется.

Дальше Кате пришлось тянуть из него слова буквально клещами. Рассказ вышел какой-то путанный и несуразный. По словам Кравченко, сначала все шло превосходно. Юбилейное чествование бывшего ректора «Лумумбы» проводилось при огромном стечении приглашенных в конференц-зале Института истории и экономики стран Востока. Зал был переполнен. Кроме празднования юбилея, тут встречались и факультеты, и курсы. Торжественная часть закончилась в восемь вечера. И, по словам Кравченко, у собравшихся были самые наполеоновские планы. Юбиляр вместе со «стариками» и гостями из правительства и

академии, Госдумы и самых различных ведомств отбыл на банкет. А «молодежь» — выпускники «Лумумбы» разных лет — тесными курсовыми компаниями группировалась как в конференц-зале (он, по словам Кравченко, располагался на втором этаже), так и внизу — в просторном вестибюле и примыкавшем к нему помещении институтского музея.

Согласно рассказу Кравченко, их с Мещерским курс планировал к девяти перебраться с Большой Пироговки, где находился институт, на Воробьевы горы, в грузинский ресторан, там уже был заказан зал и музыка.

— Ну, ты знаешь, Кать, как на таких вечерах бывает — шум, гам, суета, — рассказывал Кравченко, — ребята сто лет не виделись. Кто где — град вопросов, воспоминаний. Ну, коньячку хлопнули а-ля фуршет, что с собой привезли, за встречу. Там в одном из кабинетов столик был накрыт скромненько. Короче, Серегу я в этой толчее видел только мимоходом. Один раз он ко мне с Мишкой Вороном подошел. Ну, обнялись, поздоровались. Мишка как был на курсе, так и... Эх, годы наши... Ну, в общем, вспомнили былое... Мишка рад был до чертиков, что нас увидел, сказал, что давно уже контакты с Серегой хотел наладить — у него-де фирма туристическая, опыт работы на Ближнем Востоке, а это, мол, то, что им сейчас нужно позарез... Ну тут еще к нам ребята с экономического факультета подвалили — все галдят. Отвлекся я, короче. Минут через десять Мишка Ворон подвел ко мне Серегу и еще каких-то своих двух знакомых — не наши, не с курса, а то ли его компаньоны, то ли сослуживцы — я поначалу не разобрал. Про какой-то фонд они с Серегой толковали культурно-благотворительный, который при каком-то военно-историческом обществе существует, еще что-то про терское и донское казачество, ну, ахинея, короче... Они ректора нашего приехали по поручению этого самого общества поздравлять — у них, мол, с институтом Востока какие-то дела. Один из них — Скуратов его фамилия — визитку Сереге дал, сказал, что хочет обсудить с ним какое-то деловое предложение. Ну, тут я, Катька, опять отвлекся. Меня ребята наши позвали — Кольцов, Юлик Чен,

Платонов. Заболтался я с ними. Серегу не видел. Мишка Ворон мне потом сказал, они — там еще его знакомые из этого общества были — спустились на первый этаж, где народу было поменьше. Там музей. И в одном из залов, ну как это водится на торжествах, видео было включено — ну, памятные кадры, то-се.... Потом... Что же было потом? Дай-ка вспомню. Все уже по машинам начали рассаживаться — пора было на Воробьевку отчаливать. И вдруг откуда ни возьмись Серега — белый как привидение, глазищи бешеные, вцепился в меня, аж трясется весь. Пойдем, орет, ты должен это увидеть сам, иначе мне не поверишь!

Поволок меня из вестибюля в музей. А тут наши гурьбой по лестнице спускаются — в чем дело, спрашивают? Что случилось? А Серега как ненормальный кричит: идемте все со мной, я сейчас через зал шел, а там...

Ну, Кать, ты ж Серегу знаешь. Он от всех этих ископаемых экспонатов оторваться не в силах. А музей институтский первоклассный, там вещи из археологических экспедиций выставлены и вообще разные редкости. Ну, Серега, естественно, не мог туда нос не сунуть. А там в зале видак — я ж говорю. Ну, Сережка и кричит мне: «Я на экран глянул, а там запись какая-то дикая, кошмарная. Убийство заснято! Человека убили — идемте, вы сами должны это увидеть».

Ну что ты скажешь? Пошли мы, конечно. Ввалились всей толпой в зал. Я видак включил — на пленке развалины какие-то. Тут кто-то из музейных сотрудников — они на крик сбежались — поясняет: это, мол, фильм о находках в древнем Уре. Я пленку туда-сюда перемотал — фильм и фильм. Там еще кассет была целая стопка. Мещерский орет: «Я видел, видел, убийство на пленке заснято!» Ну стали мы с ребятами кассеты смотреть. Ничего. Фильмы об институте, о юбиляре, потом какие-то красивые видовые съемки. Ничего такого — река, пустыня.

Тут наши мне тишком: чтой-то, мол, с Серегой? Вроде и за воротник особо не заливал? Мерещится, что ли, уже среди бела дня? Я их успокаивать, а Серега в бутылку полез: «Я этот ужас видел своими глазами,

до конца дней не забуду, а вы мне не верите!» Короче, скандал.

Ну, кое-как замяли. Приехали на Воробьевку. Естественно, настроение уже не то. Серега мрачный, как сатана. На меня же и собак спустил: «Я тебе как другу, а ты не веришь». А я что? Я ничего, — Кравченко всплеснул руками, словно моль ловил. — Я даже думать не знаю что. Стал его утихомиривать. Кончилось тем, что он там в ресторане нализался вконец. Это Серегато, трезвенник наш! Ну и... Все рвался куда-то — надо, мол, сказать, сообщить об убийстве, я, мол, видел. В общем... В общем, Катя, я решил: нельзя его такого одного домой отпустить.

— Правильно сделал, — лаконично подытожила Катя. А сама подумала: чтобы понять, что с ними произошло, надо хотя бы дать им время протрезвиться. — Он, кажется, вышел наконец из ванной. И кофе уже готов. И вообще, два часа ночи. На сегодня предостаточно. И для тебя, и для него. Завтра успокоится, сам толком объяснит, что он такое там видел и что его так смертельно напугало.

Кравченко глазами указал на дверь. Катя обернулась. Мещерский, вцепившись в дверной косяк, возник на пороге кухни.

— Почему ты решила, что я испугался? — спросил он хрипло. Голос его дрогнул. Катя и Кравченко переглянулись.

ЕСТЬ ДНИ, КОТОРЫЕ ЛУЧШЕ ЗАБЫТЬ. Никита Колосов сто раз был готов подписаться под этой фразой. Но говорить легко. А вся беда как раз и заключалась в том, что, как ни старайся, такие дни просто невозможно вычеркнуть — они врезались в память намертво, причиняя боль.

Этот допрос он охотнее всего перепоручил бы кому-нибудь из своих подчиненных, однако...

— Мы должны четко представлять себе, что видела и слышала Медведева. Я вот протокол ее первоначальных показаний читаю. Местные сотрудники опросили ее впопыхах и очень поверхностно. Не обратили внимание на многие детали, не уточнили, не пере-

проверили. Я понимаю, она девчонка еще зеленая, в шоке была, плохо ей стало. Но сейчас-то она уже в норме? Ну вот и выясняйте. Это наш единственный свидетель. Необходимо срочно ее передопросить. Ни в коем случае не тяните с этим.

Поручение допросить свидетеля Настю Медведеву тринадцати с половиной лет, учащуюся знаменского художественно-промышленного колледжа, было отдано старшим следователем областной прокуратуры начальнику отдела убийств областного главка Никите Колосову жестким приказным тоном. Но огрызаться Никита не собирался. Следователь был абсолютно прав: там, в Знаменском, местные сыщики просто лопухнулись. И хотя в душе Колосов охотнее всего переадресовал бы проведение этого допроса кому-нибудь из своих в отделе по раскрытию убийств, он знал: как бы ему ни хотелось, так он не поступит. Потому что он сам, как и следователь прокуратуры, хотел знать, что же на самом деле произошло с девочкой, перед тем как она увидела ЭТО и от ужаса лишилась чувств.

Настю Медведеву привезли в управление розыска на Никитский переулок к десяти часам утра. Ее сопровождала мать, но мать попросили подождать в соседнем кабинете. Колосов хотел поговорить с Настей с глазу на глаз.

Девочка вошла, тихо поздоровалась, села на стул. Нескладный, смешной и милый подросток: веснушки, пухлые губки бантиком, ямочки на щеках, русые волосы перетянуты резинкой в хвост, умопомрачительное количество тоненьких металлических колечек на тонких детских пальцах, светлые ресницы и...

Настя подняла глаза, и Колосов почувствовал, как сжалось его сердце — у милых смешных подростков, у этих униженных «недельками» девчушек не может быть, не должно быть такого испуганного, затравленного взгляда, таких скорбных складок у губ, такого детского страдания на лице.

— Настя, как ты себя чувствуешь? — спросил он. — Получше?

— Да, — девочка отвечала очень тихо.

— А что врач сказал?

— Сотрясения нет. Ушиб.

- Голова больше не кружится?
- Нет.
- Ты можешь мне рассказать, что произошло?
- Я уже рассказывала.
- Я знаю. Но мне необходимо знать. Понимаешь?
- Да. Понимаю.

Он слушал ее, сверяясь с текстом первоначального опроса, снятого знаменскими оперативниками прямо там, на месте, в присутствии врача «Скорой», вызванной перепуганными пассажирами электрички, нашедшими Настю и поднявшими тревогу.

Итак, согласно показаниям, вчера в половине двенадцатого ночи Настя Медведева вместе с подругами по колледжу на предпоследней вечерней электричке возвращалась в родное Знаменское из Москвы с концерта любимой рок-группы в Лужниках. Девочки так припозднились с разрешения родителей — ведь возвращались они домой большой компанией, да и жили все в соседних домах. От платформы до микрорайона тоже было недалеко: через аллею городского парка, рассеянного улицей Первопроходчиков.

— Настя, когда ты с девочками шла по аллее, вы кого-нибудь видели? Ты вот говорила, вроде заметила что-то? — спросил Никита.

— Я видела автомобильные фары в конце аллеи, на перекрестке.

— Машина проезжала или стояла?

— Проезжала. Фары нас ослепили.

— Ты не заметила, какая это была машина?

— По-моему, большая, грузовая. Гудела так... с напругом. Но было темно. А когда мы дошли до перекрестка, ее уже там не было.

— Там ты и рассталась с подружками?

— Да, они в семнадцатом доме живут, а я в двенадцатом.

— Блочный, десятиэтажка. И как раз на перекрестке улицы Первопроходчиков и улицы Южной. Когда ты шла к дому, что ты видела и слышала?

— Это не совсем у моего дома, это было ближе к аллее. — Настя сглотнула. — Я в первом подъезде живу, если идти по Южной, то мне чуть ли не весь дом обхо-

дить нужно. Я и свернула — там дорожка асфальтовая к гаражам. Так ближе.

Колосов увидел, как глаза ее вдруг наполнились слезами.

— Я шла, услышала позади шум мотора. Ехала машина. Там лужа большая, я сошла на обочину, повернулась спиной.

— К идущему транспорту спиной поворачиваться нельзя, Настя.

— Там лужа была, как море. После дождя. Я испугалась — брюки мне забрызгает новые, белые, свитер новый. Мамка бы за свитер мне голову снесла. — Она судорожно начала всхлипывать.

Колосов налил ей стакан воды из электрочайника.

— На, попей... Значит, ты и на этот раз саму машину не разглядела?

— Нет. Только свет фар. Желтый, яркий.

— Но по звуку мотора — это была та же машина, что ты слышала на аллее?

Настя неопределенно пожала плечами.

— Машина ехала на скорости? Быстро, медленно, как? — продолжал Колосов.

— Приближалась быстро. Потом поехала медленно мимо меня. Потом... я ждала, как она проедет. А она вдруг затормозила. И я услышала, что-то вдруг шлепнулось в лужу передо мной, меня грязью всю обрызгало. Я хотела крикнуть...

Никита слушал: из проезжающей машины неизвестной марки было что-то на ходу выброшено. Один предмет угодил прямо в лужу. А второй...

— Я хотела крикнуть, но тут вдруг что-то сильно ударило меня по ногам. Из машины в меня чем-то бросили. — Настя, всхлипывая, глотала воду, закашлялась. — Я на брюки глянула, а они в чем-то красном. А на земле, на тротуаре...

Девочка нагнулась, чтобы рассмотреть ЭТО и... от ужаса потеряла сознание. Там, у гаражей на Южной улице, буквально в двух шагах от ее дома, спустя полчаса ее и обнаружили пассажиры последней электрички. Девочка лежала в луже. Без сознания. Одежда ее была в крови. А возле нее валялась отрубленная человеческая кисть. Левая. Правую обнаружили в луже

спешно вызванные на место сотрудники знаменской милиции. Для Насти же вызвали «Скорую»: насмерть перепуганные прохожие подумали, что это девочка ранена, изуродована таким жутким способом. Но это была не ее кровь. Рухнув без памяти, Настя, с размаха ударившись головой об асфальт, отделалась ушибом.

— Настя, а вот как ты думаешь, водитель машины видел тебя? — спросил Колосов, когда девочка немного успокоилась.

— Конечно, видел. Эти фары такие яркие. Он видел всю дорогу, гаражи и меня.

— И, по-твоему, он сделал это нарочно? Настя, человек из машины сделал это специально?

— Я его не видела.

— Я знаю. Ты его не видела. И ты очень испугалась. Очень. — Никита встал, обошел стол, низко наклонился к девочке. Она сидела, опустив голову. — И я понимаю, как тебе мучительно все это вспоминать. Но, Настя, я не просто из любопытства тебя спрашиваю. Мне очень важно твое мнение. Понимаешь? Он сделал это специально — затормозил и швырнул этим в тебя?

Настя сидела сгорбившись. Потом словно бы нехотя кивнула. Перетянутый резинкой хвостик подпрыгнул на худеньких плечах.

Никита открыл дверь и позвал в кабинет мать девочки. Увидел, насколько похожи мать и дочь. Извинился за то, что вынужден был подвергнуть Настю новому испытанию — допросу. Медведева-старшая ответила, что дочка только-только немножко оправилась от пережитого шока. С места жуткой находки «Скорая» отвезла ее в больницу, туда вызвали по телефону и родителей. Врачи сначала подозревали сотрясение мозга, но потом сказали, нет, просто ушиб. И родители забрали перепуганную девочку домой.

— Вам бы лучше уехать на несколько дней и Настю увезти. Обстановку сменить. Сейчас лето, каникулы, — хмуро заметил Колосов.

— Да я и сама хочу. Бог с ними, с деньгами. Отпуск с отцом возьмем, уедем куда-нибудь в Феодосию, в Анапу, жилье снимем дикарем. — Мать обняла Настю

за плечи. — Что же это у нас такое происходит, молодой человек? Что же это за кошмар?! За ужас такой?

Никита молчал. Мать и дочь смотрели на него, ждали ответа, но...

— Настя, — окликнул он девочку, когда они уже, взявшись за руки, пошли к двери. — Самое последнее, самое яркое, что ты запомнила, перед тем как тебе стало плохо? Ты увидела это, ты увидела кровь, а что еще? Ведь еще что-то было, правда?

Настя замерла. Впилась в руку матери.

— Красные огоньки. Машина проехала мимо. И он швырнул этим в меня... А потом я увидела красные огоньки на его багажнике. Они смотрели, как два глаза из тьмы.

Красные огоньки...

Колосов смотрел в окно, как внизу, у подъезда ГУВД, Медведевы садятся в машину розыска. Поручение следователя прокуратуры было выполнено, но... Он взглянул на часы: на двенадцать назначена встреча с судмедэкспертом. И ее бы он тоже охотнее всего кому-нибудь перепоручил. Но кто в здравом уме и твердой памяти согласится поменяться с ним, начальником отдела убийств, местами?

По дороге в анатомический зал он пытался думать о чем угодно, только не о том, что ждало его там, аккуратно разложенным, препарированным на оцинкованном столе. Включив магнитола, шарил по радиоэфире. Хотелось окунуть мозги во что-нибудь оглушающе громкое: рев футбольных трибун, лязг металл-рока, неистовые ритмы диско. Музыка, новости, реклама, снова музыка...

Какофония радишумов. Он ни на чем не мог сосредоточиться, а музыки не слышал, как глухой. Красные огни в темноте... Настя Медведева словно продолжала незримо присутствовать рядом, тихо рассказывая о том, как в свои тринадцать с половиной лет узнала, как выглядят окровавленные человеческие останки, истекающие кровью, выброшенные в придорожную грязь...

Итак, с начала марта это был уже третий случай. Отчлененные части — кисти рук — обнаруживались в разных районах области. Всегда на обочинах проез-

жих дорог. Первые два случая произошли в начале и в конце марта. Третий, очевидцем которого стала Настя, — вчера. Первые случаи еще как-то укладывались в привычную версию избавления от улик, целенаправленного вывоза останков, но происшествие в Знаменском... Колосов выключил радио. Лучше дорожный шум, а не эта какофония.

Итак, ОН увидел на дороге девчонку в белых брючках — белый цвет ведь так отчетливо виден в свете фар даже в ночи. Он увидел ребенка на обочине и решил на открытую демонстрацию. Намеренно швырнул в девочку обрубком человеческой плоти.

Господи, с кем же на этот раз мы имеем дело? Что же это за тварь?

В марте он так еще не наглел. Еще осторожничал. Все безнаказанно сошло с рук, и вот он начал разворачиваться в полную силу. Никита поймал себя на мысли, что думает об этом существе как об одиночке. Одиночка... Скорее всего, да. Хотя никто не сказал, что в той машине не сидело двое или трое — девочката все равно никого не видела. Только красные огоньки.

А что же все-таки так настораживает следователя прокуратуры в показаниях Насти? На что он надеялся, приказывая как можно скорее передопросить ее? На то, что девочка, оправившись от шока, назовет марку машины, врезавшиеся в память цифры номера, опишет приметы той твари за рулем?

Так бывает только в детективах. Там всегда сыщик получает отправную точку для поиска. Получает тоненькую нить. А тут ни ниточки, ни нити. Ничего. Красные огни, кровь на белых детских брючках — их изъяли у Насти, отправили на биологическое исследование. Кровь оказалась второй группы. Да еще смутные отголоски ночи в Настиных воспоминаниях, так похожих на элементы кошмара: гудок электрички, шум мотора машины-невидимки, проезжающей мимо парковой аллеи, слепящие желтые фары, тени на асфальте. Была ли там, в аллее, та самая машина, которая нагнала Настю на Южной улице? Настя вспоминает, что в аллее слышала вроде бы шум грузового мотора. Так ли это? Настиных подружек уже опросили.

Но про машину в аллее, кроме Насти, не вспомнил никто. Не вспомнила бы и Медведева, если бы....

Ночью сразу же после выезда милиции в Знаменском был введен план «Перехват». На постах останавливали все подозрительные машины. И хотя сотрудникам милиции не была известна ни марка, ни номер, но инспектора ГИБДД весьма четко представляли себе, что же на этот раз они ищут в первую очередь: следы крови в салоне.

Он швырнул в Настю отрубленные кисти, которые сочлились кровью. Он не мог этого сделать, не закапав кровью и салон своей чертовой тачки. Или же следов как-то удалось избежать? Как?

Колосов остановился у здания Первой градской больницы. Кафедра судебной медицины находилась в одном из ее флигелей. Патологоанатом Евгений Грачкин уже ждал его в третьей анатомической лаборатории. И когда Никита перешагнул через ее порог, ему почудилось, что он обратился за консультацией не к Женьке Грачкину, которого знал сто лет, а к новоявленному Франкенштейну, только-только приступившему к очередному эксперименту.

На столе перед Грачкиным выстроились в ряд шесть одинаковых стеклянных колб с притертыми крышками. И в каждой в спирту и в формалине плавала отчлененная человеческая кисть. Зрелище было странным: колыхаясь в растворе, руки, казалось, вяло шевелились, словно салютуя начальнику отдела убийств в жутком безмолвном приветствии.

Из высокого двухстворчатого окна падали на колбы прямые солнечные лучи. Колосов приблизился к столу — проклятые колбы словно светились изнутри. Грачкин быстро наклонился и зажег настольную лампу. Никита был ему благодарен: электрический свет разрушил фантазмагорию, сразу поставив все на свои места.

— Начнем? — сухо осведомился Грачкин. Неприятливый тон его так непохож был на обычную манеру общаться, что Никита сразу понял: Женька потерпел фиаско. Его исследования ничего обнадеживающего не принесли.

— С последней пары? — спросил Грачкин, указывая на колбы.

Колосов кивнул. Грачкин подвинул ему стул. Потом открыл притертые крышки и специальными щипцами извлек кисти и выложил их на фаянсовый лоток.

— Новых данных с момента первоначального осмотра получено немного, — сказал он. — Отчлененные части тела, судя по форме и конфигурации кистей, принадлежат мужчине возраста примерно от двадцати до сорока лет. На обеих кистях в области лучезапястного сустава рубленые раны, причиненные тяжелым и острым предметом. Исследования крови и состояние кожных покровов свидетельствуют, что отчленение производилось уже после гибели жертвы. Как видишь, кисти удлиненной формы, пальцы худые. Вообще, даже визуально обращаешь внимание на довольно хрупкие очертания руки. — Грачкин надел очки и повернул одну из кистей на фаянсовом лотке ладонью вверх.

Никита увидел на ладони...

— Погоди, до этого сейчас дойдем, — Грачкин опередил его вопрос, — я хочу сначала обратить твое внимание на кое-что иное.

— На что?

— На расположение мозолей. На левой руке имеется весьма ощутимое мозольное образование на подушечке указательного пальца. На правой руке тоже мозоль. Только уже на второй фаланге указательного пальца, ближе к тыльной стороне. — Грачкин показал расположение мозолей на «исследуемых образцах» и для наглядности, взяв Никиту за запястье, на его собственных руках. — Вот здесь и здесь.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Колосов. — Профессиональная принадлежность жертвы?

— Это руки не работника, а интеллигента. С первого взгляда ясно. — Грачкин потыкал пальцем в перчатке «образец». — И расположение мозолей — а они весьма натруженные — необычное.

Никита посмотрел на свои руки. Когда-то давно, когда по молодости лет перебарщивал с боксом и с новомодными тогда еще восточными единоборствами, натруженные мозоли были и у него на костяшках

пальцев. Руки кулачного бойца, ссадины и шрамы. А эти обрубки...

— Теперь я перехожу к тому, что мы с тобой уже видели, что нам уже знакомо, — Грачкин повернул и второй «образец» ладонью вверх.

Да, это было им уже знакомо: впервые они столкнулись с этим в марте, во время выезда на 84-й километр Минского шоссе. И потом видели это на многочисленных фотографиях, иллюстрировавших уголовные и розыскные дела. На ладонях отрубленных рук ясно проступали багровые пятна круглой формы.

— Как и в прежних случаях — прижизненный ожог второй степени, — сказал Грачкин. — К ладоням прикладывали какой-то предмет круглой формы. Достаточно сильно нагретый на огне. Причем структура ожога тоже необычна. Я исследовал кожные покровы. Весьма неоднороден рельеф. А это может означать только одно: предмет, которым прижигали руки, тоже неоднороден по своему рельефу. Либо же имеет деформированную поверхность.

— А на что он может быть похож? — спросил Колосов, разглядывая ожоги.

— Что-то круглое с устойчивым основанием.

— Вроде клейма, что ли?

— Нет, на клеймо не похоже. И потом, вряд ли это ожог от раскаленного металла.

— Тогда что же это?

Грачкин поднял брови — спроси что полегче, коллеги.

— На руках прежних жертв такие же ожоги? — спросил Никита.

— Совершенно такие же. И тоже прижизненные. Практически идентичные.

— Нечто вроде метки? — Никита склонился к колбам, помеченным датой на скотче — «30 марта».

— Что-то вроде. — Грачкин указал на колбы. — На этих образцах, кроме прижизненных ожогов и того, что мы с тобой установили из первичного осмотра, я больше ничего не мог выжать. Руки, судя по форме, принадлежат тоже мужчине средних лет. Каких-либо особых примет нет. Отчленение производилось уже после смерти. А вот на этой паре, — он придвинул к

себе две оставшиеся колбы, — во-первых, тут группа крови четвертая, а во-вторых, на левой кисти в области первого межпальцевого промежутка... Ну, проще говоря, на тыльной стороне между большим и указательным пальцами тот шрам в виде латинской «V», который я хотел детально исследовать. Так вот это действительно шрам хирургического происхождения. Имеются фрагменты наложения шва. Жертва несколько лет назад чем-то глубоко поранила руку, и рана была обработана и зашита. Эти останки, помеченные у нас 13 марта, — с Минского, а останки от 30 марта в Ларино обнаружили на шоссе у водоканала?

Колосов кивнул. В Ларино выезжал он лично вместе со следователем и как раз перед отпуском. А вышел из отпуска — и вот новый сюрпризик. Тогда в Ларино они сразу связали этот случай с недавней находкой на Минском шоссе, когда двое водителей-транзитников обнаружили в сугробе подобную же «мини-расчлененку». На два месяца все вроде затихло, и вот 5 июня к этому прибавилось и происшествие в Знаменском.

— Три жертвы. — Грачкин нахмурился. — Точнее, у нас от них пока лишь жалкие фрагменты. И налицо ярко выраженный, я бы сказал, уже хорошо отретпетированный механизм нанесения повреждений: ожоги ладоней, затем умерщвление жертвы — каким способом, это пока неизвестно, — затем аккуратное отчленение кистей. Куда он деваает тела? Тоже выбрасывает где-то? Но ведь пока ни одного случая не зафиксировано такой вот необычной расчлененки?

Никита смотрел на колбы. Тел они не находили. А отрубленные руки ОН словно сам выкладывал на всеобщее обозрение на проезжую дорогу. Раз за разом. Больше всего настораживало то, что последнюю «кровянку» ОН уже не просто тайком выбросил на обочину, а практически открыто, демонстративно швырнул... Никите вспомнилось лицо Насти Медведевой.

— По последнему случаю срок давности наступления смерти какой примерно? — спросил он.

— Два-три дня.

— Но когда он бросил этим в девочку, ту всю кровь обрызгало.

— Два-три дня, Никита, я не ошибаюсь. Он мог

хранить части трупа в какой-то емкости, туда и натекла кровь. И вообще у него в машине холодильник мог быть переносной, знаешь, сейчас сумки такие продают. Прогресс.

Они помолчали. Потом Грачкин спросил:

— Девочка совсем ничего не помнит?

— Почти ничего.

— Я так и думал. — Грачкин тяжело вздохнул. — А ОН только начал входить во вкус, Никита. Он только еще начинает развлекаться. Что дальше-то будет? Копию заключения тебе?

Никита кивнул. Копия заключения судебно-медицинской экспертизы. Оригинал пойдет в дело следователю. Кроме бумажек и этих колб с их жутким содержанием, по этому делу у них не было ничего.

Глава 2

МИРАЖ

«Что же со мной произошло?» Вопрос этот Сергей Мещерский задавал не раз и не два. Утро все вроде бы поставило на свои места, выветрило хмель, прояснило мысли. Эмоции улеглись. Появилась возможность трезво поразмыслить, но...

Это проклятое «но» не давало Мещерскому покоя. Что же произошло и, самое главное, было ли это на самом деле? Может, все это пригрезилось? Сколько он вчера выпил? Мещерский вспомнил встревоженное лицо Кати — они с Вадькой не привыкли видеть его таким зюзей и слюнтяем. То ли еще будет, Катюша... Ничего, еще привыкнете. Мещерский встал из-за стола и потащился в туалет, к зеркалу.

В офис родной турфирмы «Столичный географический клуб» он приехал в половине седьмого утра. Вчера он ночевал у Кати и Кравченко. Они, наверное, думали, что он и на работу проспит. Но нет, чуток сон алкоголика! Мещерский разглядывал себя в зеркало — боже. Слава богу, тут, в офисе, у него и бритва, и щетка зубная...

В шесть он проснулся словно от толчка. В квартире было тихо. Он открыл дверь в комнату: Катя спала,

свернувшись под простыней клубочком. Кравченко уже поднялся, совершал свою традиционную утреннюю пробежку по набережной. И, воспользовавшись моментом, Мещерский бежал из-под гостеприимного крова друзей. Он... За свое вчерашнее поведение ему было мучительно стыдно. Он вел себя вчера как баба, как пьяный истерик; вместо того чтобы взять себя в руки, логически поразмыслить о том, что же он все-таки видел и куда делась эта проклятая кассета, он поддался позорной панике, бросился всем доказывать, что он не идиот и не лунатик, потом банально надрался, обидел Вадьку ни за что ни про что, испугал Катю...

Мещерский включил воду, пошарил в шкафчике в поисках зубной пасты. В глубине души он знал еще одну, наверное, самую главную причину того, отчего сбежал из их дома как вор. Давным-давно он смирился, что из их полупечального, полукомического треугольника Катин выбор был окончательно сделан в пользу Вадьки. Но видеть ее в его постели, когда на сердце и так мрак, отчаяние и ужас, — это уж слишком!

Одиночество поможет ему справиться с собой и своими страхами. Он возьмет себя в руки. Он будет вести себя как мужик. И ему не нужно ничего — ни их участия, ни их понимания, ни веры, ни сочувствия. Он разберется с тем, что видел, сам, лично. Наедине с собой.

Он вернулся в кабинет. Офис «Столичного географического клуба» размещался на первом этаже старого дома на Чистых прудах. Маленький офис — маленькая фирма. Маленькая фирма — трудная жизнь, акулы-конкуренты, кризис, налоги, убытки... Взгляд его заскользил по географическим картам, которыми, как и в его собственной холостяцкой квартире, в офисе были залеплены все стены. Нетрадиционный туризм. Куда только не бросали их за эти годы его маршруты! Когда поступал заказ на очередную нетрадиционку, когда появлялись деньги, как они все оживали! Но в последний год все это было так редко, что...

Мещерский покосился на телефон. Есть ведь что-

то очень важное, что он должен сегодня сделать и не забыть. Он сунул руку в карман пиджака, извлек черную с золотом визитку. Ах, вот оно что... Возможно, от обладателя этой визитки зависит то, что у «Столичного географического клуба» появятся на ближайшие полгода такие планы, о которых в глубине души мечтает каждый мало-мальски опытный туроператор.

И надо же, это полезное и выгодное знакомство произошло тоже там, в стенах института. Господи, ведь сначала все так удачно складывалось, пока....

Мещерский напряг память. Вчера сквозь водочный туман он краем уха слышал, как Кравченко излагал все происшедшее на вечере в институте Кате. Потом он и сам пытался рассказать ей, заикаясь и захлебываясь от волнения, клянясь, что все правда и что он видел все собственными глазами, но...

Истинно говорят: в словах правды нет. Одно и то же событие можно передать совершенно по-разному. Все было совсем не так, как рассказывал Кравченко. Все было не так, как рассказывал он, Мещерский. Все было...

— Серега! Да это же Серега Мещерский! Старик, ну ты даешь! Усы отпустил! Слушай, а про тебя ребята болтали, что ты где-то в Оммане, вроде застрял там по контракту. А ты вот он где! И даже тропического загара не приобрел.

Сквозь шумную толпу собравшихся на юбилей своего ректора выпускников «Лумумбы» к Мещерскому проталкивался не кто иной, как Михаил Ворон — «Мишуля, лучезарная личность четвертого курса экономического факультета». Его гениальные курсовые по истории политучений и международному торговому праву перед экзаменами перелизывал весь поток. Ворон получил красный диплом и остался на кафедре. На много лет их пути разошлись. И вот... Что делает время! Мещерский отлично помнил, каким румяным, кудрявым разбитным живчиком всегда выглядел Мишуля. Он был из семьи дипломатов. Родители его годами жили в загранке. Мишуля отличался острым умом и совершенно особым чувством юмора. Мещерский и Кравченко как-то однажды влипли с его лег-

кой руки в одну историю, которая сразу стала университетской байкой.

На четвертом курсе они опаздывали на лекцию, попались в «сачке», служившем курилкой, старосте группы, а им оказался студент из Туниса. Тот вознамерился переписать фамилии прогульщиков, чтобы представить кляззу в деканат. И вот на вопрос: «Ваши фамилии?» — Мишка Ворон, не моргнув глазом, ткнул в сторону Кравченко и изрек: «Это вот Павел Пестель», сам назвал себя Муравьевым-Апостолом, Мещерского окрестил Бестужевым-Рюминым, остальных прогульщиков — Рылеевым, Каховским и Трубецким.

Студент из Туниса, поцокивая языком, старательно переписал «эти трудные русские фамилии». «Декабристов» потом вызывали в деканат, песочили на куросовом собрании «за возмутительную шутку, позволенную себе в отношении гражданина дружественного государства». Но вообще-то больше зубоскалили. Особенно над «Павлом Пестелем» и «Бестужевым-Рюминым». Это все же была «Лумумба» — вольная интернациональная страна. И студенчество жило там по собственным неписаным законам.

А теперь... Годы даже на неунывающего Мишку Ворона наложили свой отпечаток. Перед Мещерским стоял совсем другой человек: модные очки, модная щетинистая бородка, отличный дорогой костюм, ранняя умная лысина, просвечивающая на темени через поредевшие русые волосы. Где же они, прежние Мишкины кудри, которые он в подражание обожаемому Дитеру Болену стриг прикольной гривкой, так нравившейся смуглолицей Мерседес, студентке с Кубы, с которой у него был знойный роман на выпускном курсе?

Подошел Кравченко. Они с Вороном крепко обнялись: «Ну, ты по-прежнему, медведь, все хорошеешь, вширь раздаешься». Все это происходило в конференц-зале института, подходили ребята, знакомые — возгласы удивления, радости, вопросы, вопросы. Потом началась торжественная часть. Бывший ректор «Лумумбы», ныне возглавлявший институт, в стенах которого они все собрались, сидел в президиуме.

Было много выступавших, все поздравляли юбиляра, желали счастья, долгих лет жизни. От преподнесенных роскошных букетов конференц-зал напоминал оранжерею. Они все были взбудоражены и обрадованы встречей, а впереди еще был мальчишник в ресторане на Воробьевых горах...

— Сережа, вот я тебе говорил, познакомься, пожалуйста. Мои друзья. Я сказал, у тебя своя турфирма и на Востоке ты человек бывалый. Так вот они очень хотели бы с тобой переговорить об одном предложении...

Ворон снова вынырнул из толпы. Торжественная часть только-только закончилась. Гости не спеша двинулись к выходу на мраморную лестницу, застеленную красной дорожкой. Ворон подвел к Мещерскому двух мужчин. Один был среднего роста, чрезвычайно полный, молодой шатен лет тридцати пяти. Мещерскому он показался весьма симпатичным: полнота совершенно его не портила, лишь создавала впечатление чего-то массивного, солидного, мощного. Лицо в отличие от фигуры было худым, энергичным и мужественным — густые каштановые волосы подстрижены на пробор, карие живые глаза, решительный подбородок украшен ямочкой. Он крепко, дружески пожал руку Мещерскому и назвал себя Алексеем Скуратовым. Его спутник был лет на восемь моложе — высокий широкоплечий стройный парень. По виду кавказец. Несмотря на летний день, он был в пиджаке и черной шерстяной водолазке. Он представился только по фамилии — Алагиров. Тут возле них появился ненадолго Кравченко, отлепившийся от шумной компании сокурсников.

— Вот и мы тоже приехали поздравить Андрея Филипповича (так звали ректора). Институт оказывает нам большую помощь в поиске интересующих нас материалов, — сказал Скуратов. — Сотрудничает с фондами института по изучению дневников, карт и путевых записей...

— Алеша, Сергей еще не в курсе, кто это «мы». Я не успел ему сказать, — перебил его Ворон с улыбкой.

— Зарапортовались, — улыбнулся Скуратов и подал Мещерскому свою визитку. На черном глянце золо-

тыми буквами славянского шрифта было вытеснено: «Военно-историческое общество «Армия Юга России», благотворительный фонд при штабе Окружного атамана Терского казачьего войска». Справочные телефоны, факс, адрес в Интернете.

Сейчас, сидя у себя в офисе, Мещерский положил на стол перед собой эту визитку. Вчера на тусовке он не очень-то понял Скуратова сначала. Военно-историческое общество, фонд... Фондов и обществ сейчас пруд пруди. Кто только чем занимается, порой загадка. И откуда деньги получают, тоже неясно, но... Скуратов вчера между прочим осведомился, не из тех ли он Мещерских, фамилии и титул которых есть в недавно уточненном переизданном геральдическом справочнике «Русское дворянство». Услышав, что «из тех», еще более оживился.

Мещерский с трудом восстанавливал их беседу. Скуратов так и сыпал ловкими фразами типа «возрождение духовного наследия», «традиции русского народа», «казачество Юга России», «исторические корни». По его словам, военно-историческое общество, председателем которого он являлся, существовало исключительно на пожертвования его членов. А в их числе были «как представители молодого отечественного бизнеса», так и потомки многих «хороших фамилий, игравших некогда ключевые роли во всех сферах военной, финансовой и политической жизни нашего Отечества».

Когда он все это рассказывал, его спутник Алагиров только одобрительно кивал, словно убеждая собеседника в том, что все сказанное — чистая правда.

— Очень рад был познакомиться, — сказал Мещерский. — Но я не очень понимаю вас, Алексей Владимирович, вы что, нашей турфирмой всерьез заинтересовались? А по какому поводу?

— Алехан, я что-то Астраханова не вижу. — Алагиров наклонился к Скуратову. — А Васька просил, чтобы мы его не бросали, довели. Извините, Сергей, нужно товарища отыскать, — без малейшего кавказского акцента обратился он к Мещерскому. — Ну, не буду вам мешать. Мы вас с Васькой внизу, в вестибюле, подождем.

Мещерский невольно проводил его взглядом. Алагиров ему тоже понравился — вежливый, хорошо воспитанный, немногословный. Новым знакомым он был рад. Возможно, нужные люди, да и со средствами вроде.

Толпа поредела, и спустя несколько минут Мещерский увидел Алагирова уже на лестнице. Он стоял с каким-то мужчиной, тоже темноволосым и плотным. Что-то говорил ему, кивая в их сторону. Незнакомец — видимо, это и был Астраханов — издали поздоровался вежливым кивком. Они (в эту минуту снова из толпы на них как снег на голову свалился Кравченко, шумный и оживленный) тоже ему кивнули.

— Интерес к вашей фирме у меня чисто практический. Возможно, вы слышали, как в прошлом году одно из наших военно-исторических обществ в Швейцарских Альпах организовало экспедицию по следам походов Суворова? — неожиданно спросил Скуратов. — Ребята постарались на славу: Чертов мост, Сен-Готард, ну и все такое. Мы вот тоже планируем нечто похожее. Хотим организовать экспедицию по следам одного интереснейшего и, к сожалению, почти забытого в истории русского казачества похода. Только не в Альпах и не в Европе. А из Тегерана к берегам Тигра и Евфрата, в Междуречье.

— В Иран и Ирак? — заинтересовался Мещерский. — А что это за поход был и когда?

— Мы сейчас проводим консультации с фондами и музеем института, я уже вам говорил, по поиску дневников и карт экспедиции 1915 года. — Скуратов тоже заметно оживился. — Кое-что уже отыскали, а кое-что... Я по порядку вам сейчас расскажу, только давайте спустимся вниз. А то тут так шумно. Когда ваши сокурсники соберутся ехать, я знаю, у вас приятное мероприятие намечается в тесном дружеском кругу, мы услышим. — Он усмехнулся и заговорщически подмигнул.

Они спустились по лестнице в вестибюль. И там Мещерский снова увидел Алагирова и его спутника по фамилии Астраханов. Потом они снова наткнулись на Кравченко — от того уже попахивало коньяком. В преддверии мальчишника сокурсники уже успели разда-

вить за встречу не одну фляжку с плечиками, принесенную с собой.

Кравченко, дружески облапив Мещерского за плечи, шепнул им со Скуратовым, что внизу накрыт «малюсенький фуршет»: «Вот пригласи Алексея Владимировича, там и Мишка, там и все наши...»

Они со Скуратовым отправились на «фуршет», и там за рюмкой Мещерскому была поведана весьма любопытная история о том, как в 1915 году, в разгар Первой мировой войны, казачья сотня Уманского кавалерийского полка из ставки конного корпуса генерала Баратова, расквартированного в то время в Северной Персии, была послана русским командованием на соединение с союзниками-англичанами в Ирак, в Междуречье, против турецко-германских сил.

— Трудный поход был и героический. А сейчас почти совершенно забытый. Мы хотим организовать экспедиции по его следам, — просто сказал Скуратов. — Деньги есть. Понадобятся еще — еще найдем. Желание тоже имеется, и преогромное. С Министерством иностранных дел вопрос вроде решен положительно, с посольствами этих стран идут консультации, большинство документов уже подписано. Мы направляли запросы в посольства Ирака и Ирана, так вот предварительное согласие тоже получено, но... Вы понимаете, Сергей, насколько это специфический регион. Отношения между странами очень напряженные, учитывая происшедший военный конфликт. И нынешнее положение Ирака в мире. Согласие вроде дают обе стороны, но постоянно возникают какие-то формальности, неувязки. Словом, нам необходим опытный, квалифицированный специалист, который возьмет на себя всю организационную сторону — от визовой поддержки до договоренностей с транспортировкой груза.

— А вы что, с грузом планируете ехать? И с большим?

— Черт возьми, в этом все и сложности! Это же экспедиция по следам похода казачьей сотни. Имущество экспедиции не в счет, все это мы уладим. Но, простите, какой же казак без коня?

— Лошади? Вы хотите взять туда с собой лошадей?! — опешил Мещерский.

Скуратов развел руками: ну так!

— Ничего себе — планы, — усмехнулся Мещерский. — Даже не знаю, что вам и сказать. Предложение, конечно, заманчивое, заняться всем этим, но.... Извините, Алексей Владимирович, а вы сами тоже планируете ехать? И тоже намерены путешествовать по горам Курдистана и Аравийской пустыне на казачьем коне?

Скуратов достал из кармана пиджака сигареты, предложил Мещерскому, прикурил.

— У нас неплохая конюшня, приезжайте взглянуть, — сказал он. — Конечно, меня сейчас не всякий рысак выдержит, — он хлопнул себя по животу. — Но в седле я еще держусь крепко. И потом, — внезапно он стал серьезным, даже торжественным. — У моих товарищей есть чисто личные поводы относиться к этому предприятию с огромным энтузиазмом и ответственностью. Среди них есть те, чьи предки как раз и принимали участие в том историческом рейде к Тигру и Евфрату. Здешний музей помог нам с материалами. Да и наши в семейных архивах покопались. Кое-что мы из-за границы получили через архив Добровольческой армии при Йельском университете. Круг Терского казачьего войска нас на своем съезде поддержал. Одним словом — дело за малым.

— Тут, в музее, может быть, какие-то фотографии имеются? Интересно было бы взглянуть.

— Нет, снимков никто не делал. Сами понимаете, 1915-й, техника на грани фантастики — аэропланы и дирижабли. К тому же этот военный рейд был секретной миссией. И, как я успел заметить, здешний музей на гораздо более древние экспонаты ориентирован. Тут за стеной три зала. Любопытные вещи есть, редкие.

Вот так впервые Мещерский услышал об этом. Сейчас он вспомнил совершенно точно: о музейных залах за стеной кабинета, где был накрыт скромный фуршет, ему сообщил именно Скуратов.

А потом было... Итак, что же произошло потом? Они продолжали разговаривать, вышли в вестибюль.

Мещерский напряженно вспоминал: все последующие события укладывались в крайне малый промежуток времени.

Как он попал в музей? Зачем его туда понесло? Ведь Кравченко (он снова откуда-то появился) предупредил, что «Черногоров (это был их прежний однокурсник, отвечавший за организацию застолья в ресторане) уже подъехал и все собираются на автостоянке института катить на Воробьевы».

«Зачем я пошел в зал?» — спросил сам себя Мещерский и вдруг отчетливо вспомнил, что уже задавал этот вопрос вчера в присутствии Кати. А она еще фыркнула в ответ насмешливо: «Ну, чтобы ты, Сереженька, услышав, что где-то есть археологические древности, прошел мимо, не сунув туда свой любопытный нос? Да в жизни такого не случится!»

Да, в институтский музей его погнало чистейшее любопытство. В сборах на Воробьевку возникла какая-то заминка — кого-то еще ждали, и он решил: пока все тут сватаются, успею взглянуть, благо и подниматься-то никуда не нужно — музей на первом этаже.

Он отделился от компании, прошел направо по коридору. Да, столкнулся там с каким-то типом, возможно, сотрудником института. Тот стоял в коридоре, недовольно прислушиваясь к гомону собравшихся в вестибюле. А затем... Затем я вошел в зал, вспомнил Мещерский. И там работало видео. Точнее, это было во втором зале. Там была подставка с видеодвойкой и рядом лежала целая стопка видеокассет.

Мещерский миновал и этот зал, заглянул в следующий и вот там-то... Зал тонул в полумраке. Все стены были заняты застекленными стендами и фрагментами гипсовых и гранитных барельефов. Странные фантастические фигуры смотрели на него из сумрака. А в воздухе витал какой-то едва уловимый аромат — терпкий, душный. В дальнем конце зала был освещен только один стенд. Мещерский приблизился и увидел на нем золотые украшения: браслет, кольца, закрученные спиралью, цветок из золота, инкрустированный бирюзой. Вещи были грубыми и очень древними.

В бликах электрического света золото выглядело тусклым, словно тысячи лет пролежало в земле.

А когда Мещерский вернулся во второй зал...

Сейчас у себя в кабинете Сергей вспоминал, что он увидел и что почувствовал, увидев это. Телевизор по-прежнему работал. И рядом на подставке по-прежнему лежала стопка видеокассет без чехлов. На экране демонстрировался безжизненный, почти марсианский пейзаж: сожженная солнцем буро-красная пустыня, выкрошенные ветром обломки скал. Словно гнилые зубы. Вот подул ветер, собрал облачко песчаной пыли и закрутил ее крохотным смерчем. Затем по экрану зарябили помехи, как бывает при окончании одной записи.

Мещерский хотел было уже уходить, как запись неожиданно возобновилась. Но кадры пошли уже иные: из сумрака крупным планом выступило белое пятно. Человеческое лицо. Мещерский замер. Лицо незнакомца было обезображено, искажено мукой и болью. Из разбитых губ по подбородку сочилась кровь. Нос тоже был разбит, точно несчастный получил страшный удар прикладом, подкованным каблуком, палкой, раздробившей ему носовую хрящ.

Человек стонал и скулил, но стоны были невнятные, слов невозможно было разобрать. Потом он вдруг судорожно задергался и дико закричал. Камера дрогнула и быстро отъехала в сторону. Темнота. Мещерский приник к экрану. Того, кто снимал, не было видно. Он слышал лишь чье-то едва различимое дыхание, записавшееся через микрофон. Да чьи-то тяжелые неторопливые шаги. Камера снова вернулась — крупным планом на лицо избитого незнакомца. Он, видимо, либо сидел, либо стоял на коленях. Глаза его вдруг расширились от ужаса — камера заметалась, словно тот, кто держал ее в одной руке, что-то делал — то ли нагибался, то ли...

Мещерский видел кусок стены, лампочку. Изображение выровнялось. И на Мещерского снова глянуло искаженное ужасом лицо незнакомца. Теперь он словно видел перед собой нечто жуткое, жуткое до боли, до судорог.

Какой вопль! Хоть и приглушенный некачествен-

ной или намеренно пониженной записью, но... Мещерского прошиб холодный пот. И — глухой хлопок. Голова незнакомца неестественно дернулась — дернулось и изображение: снова в мгновенном калейдоскопе фрагмент стены, лампочка, пол, чьи-то ноги, обутые в ботинки, залитый чем-то черным пол, потом... На кадре был пол, покрытый линолеумом. А из звуков слышны были глухие удар, хруст и — запись оборвалась. По экрану замельтешили трескучие помехи. Мещерский попятился к двери.

Сейчас, утром, прокручивая все это в памяти снова и снова, как нескончаемое кино, он казнил себя нещадно: да, повел себя безобразно, как последний кретин и паникер. Он вспомнил лица сокурсников, когда он, ворвавшись в вестибюль, не помня себя от испуга и волнения, начал кричать, чтобы немедленно вызвали милицию, что он только что видел убийство...

Был форменный переполох — прибежала охрана здания, сотрудники института и музея. Кто-то кинулся было звонить заместителю директора, только что отбывшему вместе с почтенным юбиляром на банкет. Мещерский помнил растерянного Кравченко, встревоженного, недоумевающего Ворона, своих бывших однокашников — они окружили его. «Да что случилось? Ты что, белены объелся? Что стряслось? Да где ты это видел? Здесь, сейчас?! Не может быть!» И вся эта неразбериха продолжалась — сколько? В подобные моменты времени не замечаешь. Мещерский объяснял, кричал до хрипоты, потащил всех — приятелей, охрану, сотрудников института в зал. Прошло, наверное, не более пяти минут, но...

В зале было пусто и тихо. И видео по-прежнему работало. Мещерский даже сейчас помнил, что было на экране: река, заросли тростника, финиковая роща, песок и закат. Солнце золотило кроны пальм...

Он схватил пульт, прокрутил запись вперед, назад. Все это были виды и пейзажи. И ни следа того ужаса.

Кравченко, подстегиваемый его криками, начал быстро ставить одну за другой кассеты, и везде были лишь какие-то видовые съемки. Восток. Мещерский закрыл глаза рукой, да, он повел себя как последний идиот. Вместо того чтобы внятно объяснить им всем,

что было на этой так странно появившейся и в мгновение ока исчезнувшей кассете — а ведь ЭТО БЫЛО, не сошел же он с ума! — вместо того, чтобы попытаться убедить всех собравшихся в музейном зале, он потерял остатки самоконтроля. Начал кричать, доказывать, орать, жестикулировать. Просто...

Катя, а она-то знала его, как никто другой, верно догадалась: он смертельно испугался. Он, Серега Мещерский, жалкий истеричный трус. Размазня.

Мещерский саданул кулаком по столу — пейджер подпрыгнул, пластиковая вазочка с фломастерами и скрепками опрокинулась — черт! Он вел себя как сопляк. И Катя поняла это. Жалела его. И зачем только Вадька приволок его к ней такого... Зачем?!

Вадька ему ведь тоже не поверил. Правда, он ни там, в зале, ни потом, в ресторане на Воробьевке, где все уже не столько отмечали курсовую встречу, сколько пытались загладить скандал, не спорил с ним. Не возражал, отмалчивался. Молчал и всю обратную дорогу в такси до дома, но... Что же, неужели даже Вадька, друг его, почти брат, решил, что все это идиотская шутка, розыгрыш, попахивающий психушкой, пьяная истерика, нелепый обман? Но ведь перед тем, как это произошло, они со Скуратовым и выпили-то всего рюмку-другую дагестанского коньяка. Это уже потом он, Мещерский, с горя пил, пил, пил...

«Ребята с курса наверняка решили, что я конченный, — подумал он горько. — Шизик, алкаш, буйнопомешанный. Они не видели кассету. Ее не было там, когда мы туда вернулись. Куда же она делась? Не растворилась же в воздухе? Кто-то ее вытащил из видеомagneтoфона? Кто-то, воспользовавшись суматохой, вошел в зал и вытащил? Зачем?»

Мещерский подошел к окну, поднял штору-жалюзи. Солнце. Июнь. Как нетерпеливо в этот год он ждал лета. И Катя ждала. Все жаловалась: надоела зима, слякоть, холод, туман. Надоела эта сырая мгла, навещающая смертную тоску.

Из солнечного света выплыло лицо. Затуманенные болью глаза. Разбитые губы, окровавленный подбородок... Мещерский видел все детали так отчетливо, что... Он узнал бы этого человека из тысячи, из мил-

лиона. Это был молодой парень. «Моложе, чем я, — подумал Мещерский. — Что же с ним делали? Кто делал? Отчего он так кричал? Его пытали? И этот глухой хлопок потом... Это же был выстрел. Выстрел из пистолета с глушителем. Пуля попала в голову куда-то сбоку. Я же видел это собственными глазами».

Вчера ночью, запинаясь, захлебываясь от волнения, он пытался передать все это Кате. Она слушала его. Но слышала ли? Успокаивала, как малого ребенка. Верила ли она ему? Отчего-то вопрос, верит ли ему Катя, казался Сергею сейчас самым важным. Без этого все было ни к чему. Не имело никакого смысла. Мещерский глянул на часы: половина восьмого. Всего-то, утро только начинается. Катя, наверное, уже проснулась. Взять и прямо сейчас позвонить ей, сказать: то, что я говорил тебе вчера, — правда. Это не мираж. Это было на самом деле. Ты мне веришь?

Он взялся за телефон, помедлил и резко отодвинул его от себя. Нет, это будет совсем глупо. Ну, вчера он пьян был, плохо соображал, но сейчас-то он...

Куда делась кассета из видеомэгнитофона? Она была, потом исчезла. Не испарилась. Значит, ее забрал кто-то из присутствующих. Кто-то из тех, кто находился в здании. Мещерский вспомнил набитый до отказа конференц-зал. Яблоку негде упасть. Иголка в стоге сена...

Но если, рассуждая логически, предположить, что кто-то забрал кассету, значит, он знал о ней заранее. Значит ли это, что именно он и поставил эту запись... Внезапно Мещерскому вспомнилась полузабытая деталь: в коридоре он столкнулся с... Это был блондин средних лет, одетый... В чем же он был? Этого Мещерский не мог вспомнить. Помнил только, что именно из-за одежды усомнился в том, что тип этот приглашен на официальное торжество. Все приехавшие на встречу однокурсников и юбилей ректора были в костюмах, а этот фрукт... Ах ты черт, никак не вспомнить... И лицо его представляется смутно. Он был выше Мещерского и вроде бы...

Однако ничего «логического» Мещерский вывести не успел. Резко зазвонил телефон.

— Сережа, привет, ты как? — услышал он в трубке

голос Кати. — Куда ты удрал так рано? Ну, что молчишь?

— Я? А что говорить?

— Ничего, — ее, видимо, мало трогал его загробный тон. — Слушай, я сегодня всю ночь глаз не сомкнула — думала! И с Вадькой мы тоже сейчас посоветовались. Надо что-то делать, Сережка. То, что ты видел, это... Это нельзя просто вот так оставить. Мы должны что-то предпринять. Прекрати переживать. Думай. Ты же у нас самая светлая голова.

— Я? — удивился Мещерский. И...

Услышал грохот, звон, лязг, треск. Это с плеч его на пол офиса прямо под ноги влетевшей с улицы туроператору Зиночке Гороховой рухнула огромная, как дом, невидимая глазу, тяжелая, как гроб, гора печали и безысходности.

Мещерский закрыл глаза. Мираж — если то был, конечно, мираж — рассеялся.

Глава 3

АВТО

В Знаменском проверяли автотранспорт. Под гребенку. Колосов приехал в местный отдел милиции к вечеру. Знаменское было маленьким районом — городок и пригород, вот и вся территория. Однако работы было и здесь по горло.

— У меня тут два автохозяйства, таможенный отстойник для большегрузов, автостоянка — нам Домодедовский аэропорт с баланса сбагрил, — начальник местного розыска Маркелов вводил в курс шефа «убойного». — Еще автопарк городской коммунальной службы да автобусный парк, линия «Автолайн». Затем частники-грузоперевозчики. Вот нам списки с ГИБДД пришли, — он хлопнул по столу толстой подшивкой компьютерных распечаток. — Ад, в общем, кромешный. А главное — неясно, что ищем — грузовик, легковуху? Ни примет, ни марки.

— Следы крови в салоне, вот что. — Колосов пролистал данные ГИБДД — таскать не перетаскать до

второго пришествия. — Установили по автохозяйствам, кто работал вчера ночью?

— Вот список машин, находившихся на линии, — мукомольный завод, кирпичный завод, потом служба мебельной доставки. Но это московская фирма, у Кольцевой у них филиал-магазин. Водителей опрашиваем, кто проезжал в период между одиннадцатью и полночью в районе парка и Южной улицы. Весь отдел розыска на это сориентирован, Никита Михайлович, все остальные дела по сейфам пылятся. Оголились — дальше уж некуда — по всей территории. Вкалываем, только по... Но, простите, это все равно получается — пойди туда — не знаю куда. Полнейшая бессмыслица действий.

«Поучи еще, поучи», — раздраженно подумал Никита. Маркелов прежде работал в управлении по борьбе с оборотом наркотиков и в уголовный розыск перешел недавно.

— Лучше в кабинете сидеть, в потолок плевать.

— Я в потолок не плюю, у нас в отделе ремонт месяц назад закончился. — Маркелов исподлобья глянул на «начальство из главка». — Я двое суток подряд на работе торчу. И сотрудники мои без выходных по «Сирене» пашут. Только весь этот ваш штабной аврал с глобальной проческой — фикция сплошная. Выпендрож, уж простите за откровенность. Чтоб было потом, чем перед шефом отчитаться, — съездил, мол, возглавил лично, организовал. Галочка в актив.

Колосов сел за дальний конец облезлого «совещательного» стола, вплотную лепившегося к столу начальника розыска. Беседовать и взаимодействовать они, конечно, начали славно. Собачились, как два дворовых пса. Он посмотрел на Маркелова — красные от бессонницы, усталые глаза. Молодая злость. Эх ты, шериф из села Ивакино... Что он, Маркелов, не понимает, с кем они столкнулись на этот раз? Все он отлично понимает. И найти его жаждет. И за глотку его подержать. И, если бы обстоятельства складывались хоть чуточку благоприятно, уже нашел бы и подержался бы. Но... не собачься, не показывай характер, коллега. Я знаю, что ты не сидел сложа руки. Но девочке по имени Настя и ее родным наплевать на то,

что ты и весь твой розыскной отдел не спали двое суток подряд. Наплевать и на вашу злость, и на усталость, и на несбывшиеся надежды, и на разочарование. Она хочет лишь одного: чтоб никто и никогда больше так дьявольски не шутил с ней, швыряясь из проезжающей машины окровавленными обрубками. Больше она такого не переживет. Да и ты, Маркелов, и я, Никита Колосов, переживем вряд ли.

— Галочка в рапорте будет, — сказал он. — И тачку будем искать. Землю рыть будем. Бульдозером. Пока досконально не осмотрим весь ваш транспорт, — он положил на папку ГИБДД тяжелую ладонь, — я с места не двинусь.

Маркелов только строптиво хмыкнул. В это время в кабинет заглянул оперативник.

— Гасанов сейчас с автохозяйства звонил. Они там работают. Вроде свидетеля из шоферов установили. Видел он...

— Что видел? — спросил Колосов.

Опер переглянулся с Маркеловым.

— Он на мусоровозе работает. Вчера около двенадцати ночи проезжал по шоссе мимо парка, вроде, говорит, видел, как из аллеи свернула «Газель». Это с прачечной машина. Открылась у нас тут недавно в городе прачечная и химчистка-«американка». Он и водителя вроде знает.

— Мусоровоз осмотрели? — спросил Колосов.

— Осматривают, — опер тоже явно хотел отгрызнуться: не учи, сами с усами.

— Сюда выдернем или туда нагрянем? — осведомился Маркелов.

Ситуация в подробных пояснениях не нуждалась.

— Нагрянем. — Никита направился за оперативником в дежурку. — И криминалистам напомните, будьте добры, чтобы искали в салоне следы мыла или стирального порошка.

На заднем дворе городской прачечной-химчистки их встретила обеспокоенная приемщица, оперативники уже разыскали и подогнали машину. Действительно, «Газель», не новая, синего цвета, забрызганная грязью. Пока сыщики ее осматривали, Колосов переговаривал с приемщицей. Кто водитель? А, двое работа-

ют посменно. А кто работал позавчера? Почему такие поздние вечерние рейсы? Разве химчистка круглосуточная?

— Позавчера Богданов работал, Кирилл, а напарник его Чесноков. Но он отпуск взял за свой счет на две недели, ребенка в деревню повез, — объяснила приемщица. — А Богданов уже в конце рабочего дня повез шторы — банк нам наш местный заказ сделал на чистку штор, гардин и ковровых покрытий. Мы заказ выполнили, что называется, с доставкой.

— В каком же часу повез Богданов заказ?

— В половине седьмого. Банк до восьми работает. Да тут ехать — рукой подать. На центральной площади. Банк с мэрией в одном здании.

Подошел Маркелов. Хмурился. Чудно: водителя посылают в центр городка, а он светится на окраине.

— Значит, машина закреплена за Богдановым? — продолжал Колосов.

— За Чесноковым, но они посменно работают, я же объясняю вам, — приемщица начала нервничать. — А в чем дело? Что-то случилось? Авария какая-нибудь? Он кого-то сшиб?

— Да нет, что вы, — открестился Никита. — А вот после смены вечером он машину сюда возвратит должен или ставит возле дома?

— Обычно возле дома.

— А где Богданов живет, не знаете?

— Через дом от меня. Улица Красных Коммунаров, у нас третий дом, у него седьмой, на другой стороне. Его пацан вместе с моими в одном классе учится.

Колосов глянул на Маркелова, тот чуть заметно отрицательно покачал головой. Это означало: улица Коммунаров весьма удалена от парка, где свидетель видел машину Богданова.

— А где он сейчас-то? — спросил он. — Машина — вот она, а он?

— Перерыв у него, к врачу отправился зубному. Записался, говорит. — Приемщица тревожно моргала накрашенными ресницами. — И все-таки что-то случилось. Я по вашим вопросам чувствую.

— Ничего не случилось. Где зубной-то принима-

ет — в поликлинике или в кабинете на Строителей? — Маркелов жестом подозвал двоих оперативников.

— Вроде на Строителей, тут рядом. Да вы подождите, он сейчас подойдет.

Колосов пошел к «Газели». Ее уже осмотрели.

— Все чисто, — сказал криминалист. — Чрезвычайно чисто. Резина, — он тронул пол салона, — влажная вот, и коврик тоже. Мыли салон не далее как вчера, Никита Михайлович.

Колосов попросил его сесть за руль.

— Так ключи ж у водителя!

Ключи... Никита наклонился, покопался в салоне: нехитрые уловки угонщиков, у которых, как известно, тоже иногда не бывает ключей. Где наша не пропадала? Мотор заработал.

— Включи задние фары. И поворот, — попросил он криминалиста.

Обошел кузов. Красные огни. Настя видела такие же? Но кто способен со слов такого вот свидетеля точно определить, были это огни легковой машины, полугрузовика, внедорожника? Что Богданов делал после доставки заказа в банк? Зачем он оказался в районе парковой аллеи? Та ли это машина, гул мотора которой слышала Настя, возвращаясь со станции? И та ли, что обогнала ее чуть позже на дороге у гаражей?

Богданова привезли в Знаменский отдел прямо от зубного врача. Зуб ему сверлили и пломбировали. И во время допроса у него как раз начала отходить заморозка. Богданов с виду был самым обычным водителем. Короткостриженный, средних лет, спортивный. В руках он осторожно держал какой-то сверток в полиэтиленовом пакете и ветровку.

— Вещи можете положить вот сюда, вам же неудобно, — сказал Колосов. — Присаживайтесь, Кирилл Николаевич.

— А что случилось? — спросил Богданов, бросая на них с Маркеловым тревожные взгляды. — Я у врача был, вдруг вламывается милиция.

— Скажите, пожалуйста, вы позавчера работали?

— Да. И вчера, и сегодня, и завтра буду, сменщик у меня в отпуске.

— Будьте добры, перечислите, куда вы ездили во второй половине дня.

— Ну, на склад у Кольцевой — мы там моющие средства берем, потом в банк заказ отвезил, тюки со шторами.

— И во сколько вы закончили работу?

— В восемь. Заказ отвез, и гуляй, свободен.

— Машину в порядок приводили, мыли салон?

— Ну да, сегодня утром мыл. Пыль на дороге. Все чехлы серые. Рубашку чистую наденешь — к вечеру как чушка грязный. Со склада порошки брал — коробку себе оставил. А в чем дело? Нельзя?

— Почему? Чистота — залог здоровья. — Никита разглядывал собеседника. — Ну, отвезли вы заказ в банк, и что дальше?

— Ничего.

— Вы поехали домой?

— А в чем дело? — снова спросил Богданов.

И тут Колосов поймал взгляд Маркелова. Тот глазами показал ему на стул у двери, где Богданов оставил сверток и куртку. Сверток был запакован в самый обычный пакет-сумку, но... Пластик, видно, был худой, и вот теперь со стула на затертый паркетный пол... капало что-то красное — кап, кап...

— Вы поехали домой? — повторил Колосов.

— Нет, у меня еще были в городе дела.

Следующий вопрос должен был быть: какие дела? Но Никита спросил о другом:

— Вы нам пол чем-то испачкали. Ах ты, кровянка, надо же... Что это вы с собой в свертке по зубным кабинетам таскаете, Кирилл Николаевич?

Богданов оглянулся и засуетился.

— Ч-черт, извините... Пакет худой, сумки не было, пришлось во что попало.

— Покажите, что в свертке, — резко приказал Маркелов. Он встал, вплотную подойдя к допрашиваемому. Богданов как-то странно посмотрел на них. Развернул пакет. Красное закапало на пол чаще. В целлофане было что-то багровое. Плоть, сочащаяся сукровицей.

— Фу ты, пропасть, — Маркелов сплюнул.

— Да печенку я купил говяжью. Хотел домой отвез-

ти жене, да в перерыв не успел. Пока у зубного был, она разморозилась, падла. Действительно, пол вам тут изгваздал. Тряпку дадите — уберу.

— Да уж будьте добры, — холодно улыбнулся Никита. — А то скажут, застенки тут у нас, гестапо. А печеночка действительно говяжья. Вещь аппетитная, особенно если свежепрожаренная с луком. Но мы отвлеклись. Насчет позавчерашнего вечера у нас разговор.

— А я не понимаю, что вас так интересует?

— Около полуночи вашу «Газель» видели на парковой аллее недалеко от улицы Южной.

— И что?

— Я хочу от вас услышать — каким ветром вас туда занесло?

— Попутным, — Богданов усмехнулся. — Норд-норд-вест.

— А к гаражам на Южную? — быстро спросил Маркелов.

— Где-где гаражи? — Богданов словно что-то вспомнил. — Ну, конечно! Я в гараж как раз и заскочил к приятелям. Только не на Южную, а в Петино. Там друзья у меня, гараж мукомольного комбината.

— А что, в полночь гараж еще работает? — наивно удивился Никита.

— Там и ночью жизнь бьет ключом. Боксы сдают частникам.

— К кому же конкретно вы приезжали?

— К Валерке Соловьеву, — быстро ответил Богданов. — Он директора мукомольного возит. Только не застал его, он смену уже сдал. Так, с мужиками побалагурили, покурили. Потом я домой поехал.

— Имена, фамилии, пожалуйста.

— Щас прям выложил, — хмыкнул Богданов. — Чтой-то вы ко мне прицепились, не пойму? Как репы. Не знаю я их фамилий — мужики, шоферня. Покурили и разъехались.

Маркелов хотел было еще что-то спросить у него грозно-весомо, но Колосов опередил коллегу:

— Ну что ж, ладно, спасибо. Извините за беспокойство, Кирилл Николаевич. Можете идти. А за аврал не

сердитесь. Пешехода на шоссе в районе парка какая-то «Газель» позавчера сбила. Ищем.

— Всех, что ль, так песочите? — хмыкнул Богданов.

— Угу, всех под гребенку. Служба. — Колосов разглядывал его. — Сверточек не забудьте. Печеночку.

Когда Богданов ушел, он выплеснул из чайника, стоявшего на подоконнике, остатки кипятка на испачканный кровью пол.

— Не протечет? Первый этаж. Там у вас подвал?

— Там ИВС, товарищ майор, — хмыкнул Маркелов. — Ну и что с ним делать дальше?

— Бодрая, быстрая ложь. Про гараж, про какого-то там Соловьева. Но на всякий случай проверить надо. Занятный тип. Сказал все и ничего. — Никита пожал плечами. — И какие такие тайны у шофера прачечной? Наведите справки в налоговой, какие у него реальные заработки, какая семья. А насчет наружного наблюдения... Ну, это я сам договарюсь. У вас тут и так дел хватает.

— А с проверкой автопарка что? — напомнил Маркелов. — Продолжаем всех по списку без исключений?

— Угу, продолжаем. — Колосов подвинул к себе пухлую папку ГИБДД. — Мало не покажется. Проверим всех.

— А если ОН приезжий? Из Москвы? Ведь два случая прошлых не у нас, в других районах. Если он просто их вывозит? Выбрасывает на дороге? Что, вот так, по списочку ГИБДД, и Москву будете прочесывать по всем округам?

Никита склонился к справкам. Что значит коллега — выходец из другого отдела. Узкая специализация — наркотики, сплошной героин. Как таких узких специалистов страшит поисковый масштаб...

— Это называется таскать воду решетом, — мятежно заявил Маркелов. — И это все равно пользы не даст.

Вместо пререканий с «землей» Колосов позвонил в главк, в оперативно-поисковый отдел. На эти дни ему — кровь из носа — надо было выбить наружку за «прачечником» Богдановым.